

Если говорить
начистоту...

Из КАРАГАНДЫ пришло
письмо.

Чуть ли не на десяти страницах обстоятельно и последовательно изливал свою оскорбленную душу автор. Он, скромный художник, стал жертвой интриг. Пробовал отстаивать свои честь и достоинство, но только навлек на себя новые удары судьбы. Впрочем, гонения и мытарства испытывает не он один. Всесильные «хозяева» положения создали нетерпимую атмосферу для целого творческого коллектива. Они грубо попирают законы, несправедливо относятся к своим работникам. А те молчат, боясь сказать откровенное слово, молчат, чтобы не потерять должность.

Свое горестное письмо в редакцию автор заканчивает восклицанием: «Неужели и газета промолчит?».

Нет, Анатолий Ананьевич, газета не промолчит!

Мы побывали в Караганде, встретились со многими работниками, которых вы упоминаете и не упоминаете в своем письме, вели с ними подробные беседы. То, что довелось нам услышать, представляет, по нашему мнению, известный общественный интерес. Своими соображениями мы и хотим поделиться с читателями.

**«СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА»**

2 стр. 20 декабря 1960 г.

МНИМЫЕ МЫТАРСТВА

Общее впечатление от вашего письма можно сформулировать кратко: оно написано одной краской. Не верите? Давайте посмотрим. «Руководство театра игнорирует художественный совет». «Директор театра в разговоре со мной вел себя нагло». «Главный режиссер любит подхалимов и посредственных артистов, чтобы самому быть среди них «богом»...

Что и говорить, картина грустная. Почти как в захудалом провинциальном театрике прошлого века, где безраздельно господствовал властолюбивый антрепренер.

Но так ли в Караганде?

Вот, скажем, художественный совет. Какие же вопросы обсуждал этот авторитетный орган в 1960 году? О текущем и гастрольном репертуаре. Планы выпуска спектаклей. Итоги выступлений в Алма-Ате. О предстоящих гастролях на целине. О тарификации актеров. Об итогах конкурса на замещение вакантных должностей. Иными словами, все, чем жил коллектив, выносились на обсуждение совета.

Члены художественного совета свободно высказывали свои мнения, и они порой не совпадали с точкой зрения руководителей театра. Но коллективно принятые решения всегда утверждались директором и проводились в жизнь. Где же

тут «игнорирование» художественного совета?

Оставим на вашей совести, Анатолий Ананьевич, нелестный отзыв о директоре. Как протекала беседа между вами, сейчас проверить невозможно. Но, если уж зашла речь об этом человеке, позвольте и нам сказать кое-что.

Евгений Лукич Пелешук вот уже четверть века живет в Караганде, его хорошо знают ветераны шахтерской столицы. Многие годы он находился на советской и профсоюзной работе. Ряд лет был директором крупнейшего в городе Дворца культуры горняков. И отсюда направлен обкомом партии и Министерством культуры республики в драматический театр.

Мы беседовали со многими работниками театра. По-разному отзывались они о директоре. Но все сходились в одном — работает Пелешук с душой, по-партийному, умеет найти подход к каждому.

Основной критический удар вашего письма направлен против главного режиссера. Мы вовсе не хотим представить его в ореоле святости и непорочности. Есть и у него свои слабости и недостатки.

Но нельзя забывать: за три неполных года Подобед сумел сплотить актеров в дружный творческий коллектив, сумел так «настроить» большой чело-

веческий оркестр, что он зазвучал слаженно и уверенно. На недавних гастролях в Алма-Ате Карагандинский театр получил высокую оценку общественности. Четверем его работникам — в том числе и Подобеду — правительство республики присвоило звание заслуженного артиста Казахской ССР.

По инициативе Подобеды два года назад при театре была открыта студия. Некоторые ее выпускники зачислены в труппу театра, а остальные успешно руководят самодеятельными коллективами в домах и дворцах культуры. Забот и хлопот со студией не оберешься. Но главный режиссер с энтузиазмом ведет начатое дело.

Минувшей зимой молодой народный театр города Темир-Тау готовил свой первый спектакль «Юность отцов». Подобед добровольно вызвался помочь самодеятельным артистам. Он, немолодой уже человек, в лютые морозы ездил на попутных машинах за десятками километров. Озябший и усталый, добирался до строителей Казахстанской Магнитки и часами руководил их репетициями. А потом нередко оставался ночевать там же, во дворце культуры, так как метели заносили дорогу и машины не шли в Караганду.

И все это, заметьте, Анатолий Ананьевич, Подобед делал

без единой копейки вознаграждения, от души.

Вы, кажется, недовольно поморщились при упоминании о Темир-Тау? Вам явно не нравится намек на «копейки». Что ж, к тому есть веские основания. Но расскажем обо всем по порядку.

Карагандинский театр проявил благородную инициативу — он решил оказать всестороннюю поддержку (и притом безвозмездно) молодому народному театру в Темир-Тау. Вы как художник тоже вызвались помочь самодеятельным артистам.

И «помогли». За художественное оформление спектакля в обход всяких хороших решений вы взяли с младших братьев несколько тысяч рублей. Возмущенному этой операцией коллективу вы, не моргнув глазом, заявили, что все сделано законно.

Финал этой истории известен. Партийная организация театра, в которую вы подали заявление о вступлении кандидатом в члены КПСС, вернула вам заявление. И она же единогласно приняла в те дни в свои ряды главного режиссера.

Так что же заставило Анатолия Ананьевича вступить в борьбу с директором и главным режиссером? Ларчик открывается весьма просто. Работая в театре главным художником (и будучи притом художником хорошим), Анато-

лий Ананьевич по совместительству являлся также очередным режиссером. И, по общему мнению коллектива, режиссером посредственным. В конце сезона 1959/60 года директор и главный режиссер довели это мнение до Анатолия Ананьевича.

Казалось, дело ясное. Анатолий Ананьевич останется главным художником. А на должность очередного режиссера будет приглашен человек, имеющий к тому призвание и специальное образование. Но не тут-то было! Анатолий Ананьевич поднялся на дыбы, и пошла писать губерния...

В конце своего письма в редакцию Анатолий Ананьевич делает унылый вывод: «Конечно, было бы приятнее сообщить вам, что у нас все хорошо, благополучно и т. д. — но увы...».

Зря скорбите, Анатолий Ананьевич! Не знаем, как у вас, а у коллектива театра дела вовсе не так уж плохи.

Карагандинский драматический театр в последние годы регулярно выполняет финансовый и творческий планы. Укрепились его кадры — в отличие от прежних лет после окончания сезона 1959/60 года из труппы ушли только два человека. Остальные актеры с энтузиазмом трудятся в полюбившемся им шахтерском крае.

Интересен и разнообразен репертуар нынешнего сезона.

В сложных условиях работает коллектив театра. Не имея собственного помещения, он дает лишь 5—6 спектаклей в месяц на сцене Дворца культуры горняков, а все остальное время играет на выездах. В дождь и бурю артисты едут за 20, 30, 40 и более километров — к шахтерам, металлургам, строителям, колхозникам. Трудно? Да, очень. Но люди не ропщут, не хнычут, а мужественно творят свое большое и нужное дело. Разве не заслуживают они за это хорошего, душевного слова!

...Анатолий Ананьевич покидал пределы Караганды и отбывал в северо-западном направлении. Мы встретились с ним в канун этого памятного события.

Благообразный мужчина сидел в фойе Дворца культуры горняков. Монотонно и бесстрастно рассказывал он о своих мнимых мытарствах, о поисках поправленной правды. А мимо него проходили оживленные актеры, весело говорили о своих творческих планах.

Вам не кажется, Анатолий Ананьевич, что вот так же мимо вас прошла большая, интересная и кипучая жизнь в этом творческом коллективе? Подумайте об этом, приезжая в новый город!

Б. ШАХОВИЧ.
соб. корр. «Советской культуры».
КАРАГАНДА—АЛМА-АТА.